

Свободная Чушия. — Писатель. — 1991. — 20 апр. — с. 10

ДЖОН ЛЕННОН: «В АНГЛИИ БЫЛО НЕБЕЗОПАСНО...»

! Это интервью Джона Леннона, фрагменты которого мы предлагаем сегодня вашему вниманию, было записано за двое суток до его убийства. А в качестве эпиграфа — слова, сказанные Джоном своему другу, ан-

лийскому журналисту Рэю Коннолли на одной из пред рождественских вечеринок, в декабре 1970 года. Ровно за десять лет до своей трагической гибели...

Ты еще не написал мой некролог?
Хотелось бы почитать, когда напишешь...

— Радует ли тебя изменение менталитета людей с течением времени?.. Скажем, в 60-е годы нам пришлось столкнуться с проблемой наркомании. В 70-е годы же шум вокруг нее потух, поскольку общество (странная ирония) как-то примирилось с ней, решив, что, может быть, все не так уж страшно. Что ты думаешь об этом сейчас, испытав на себе все и находя мужество честно и открыто поднимать эту проблему в своих песнях?

— ...На мне стоит пожизненное клеймо — все потому, что полицейский, арестовавший нас с Йоко (а также в свое время Брайана Джонса и «Роллинг Стоунз»), охотился за деньгами и карьерой... В результате теперь у меня возникает масса сложностей при въезде в любую страну. И это при том, что я никогда не отрицал своей причастности к наркотикам.

— Откровенность не всегда лучшая политика.

— Похоже, так. Однако я, как видите, все равно отдаю ей предпочтение. По мне, чем жить в лицемерии, лучше уж принимать действительность со всеми прямо или косвенно вытекающими из нее неприятностями. Я выяснил для себя, что всякое иное поведение порождает внутренние противоречия. Начинаешь лгать себе, прикрываться самообманом (что-то, а это у всех выходит довольно легко). Настолько легко, что часто мы даже не отдаем себе отчета в этом. Однако каждый раз в итоге приходится чем-то расплачиваться. Происходит нечто подобное описанной у Оскара Уайльда истории о стареющем лице на портрете...

— О вашем с Йоко альбоме «Пластик Оно Бэнд» один критик написал: «Как и вся новаторская рок-музыка, эта вещь в своей концепции стара, как мир»...

— Были отзывы и похуже. Писали, что диск простоват и исполнен снисходительности по отношению к самим себе. Имелось в виду, что мы слишком увлечены

собственными персонами. Кто-то сказал, что и наш фильм «Имэджен» («Воображал») страдает той же слабостью, а сейчас отзывы в том же роде начинают раздаваться в адрес нового альбома «Дабл фэнтези» («Двойная фантазия»)...

Если бы мы использовали псевдонимы, взяли бы в качестве названия «Томми» или «Рок-опера» или пели то же самое в третьем лице, о некоем Зигги Стардасте (имеется в виду пластинка Дэвида Боуи «Взлет и падение Зигги Стардаста и Пауков с Марса», 1972 г., — прим. мое — И. Б.), то для некоторых наше творчество стало бы более приемлемым. Но мы не желаем петь от третьего лица (это для меня все равно, что приколоть себе розочку или обрядиться в клоуновское трико), а декламируем «от себя...». Здесь можно провести аналогию с различными актерскими школами. Скажем, Марлон Брандо, декламируя, остается самим собой и в то же время нет. Лоренс Оливье же, наоборот, полностью перевоплощается в кого-то другого. Так вот, можно сказать, что Брандо в отличие от Оливье «снисходителен по отношению к себе». На самом деле для меня это не имеет никакого значения. Просто мы предпочитаем оставаться самими собой, а не обрядиться в трико. В любом случае разница между тем, что мы говорим в песнях, и нашей реальной жизнью, неизбежна...

— Песня «Власть — народу» — какие воспоминания у тебя с ней связаны?

— «Власть — народу»... Я выбрал для названия песни эту фразу, которая, насколько я знаю, была в ходу в годы первой мировой войны... Что касается обстоятельности ее создания, то, помню, Тарик Али то и дело приходил просить у меня денег на «Ред Молл» или еще какое-нибудь авангардистское издание в области искусства или политики — и я всегда давал, поскольку ощущал комплекс вины. Я сознавал, что, будучи тоже выходящим из рабочего класса, я все же не принадлежу к ним. Однако я был богат и обязан был помогать деньгами. Поэтому всякий раз, как заходила речь о чем-то в этом роде, я тут же вытаскивал деньги, а они тем не менее оставались неизменно чем-то недовольны... И тогда, все из того же чувства вины, я и написал «Власть — народу». Понимаешь, я решил: лучше уж я напишу эту песню...

— Вы с Йоко считали себя «придворными шутами» молодежи?

— По зрелому размышлению, наверное, да, ибо все время старались вносить во все, что мы делали, долю юмора. Разумеется, измышления по критике по поводу того, чем мы с Йоко занимались во время наших «постельных демонстраций протеста» или на пресс-конференциях, скрытые под мешками, — совершенно безосновательны. Мы действительно стремились исполнить свой долг: защищать мир до тех пор, пока хоть что-то не

изменится к лучшему. Это был настоящий протест в традициях Ганди, только с легкой примесью юмора (...).

— Как у тебя рождаются песни?

— Сколько себя помню, всякий раз в муках... Я могу не сочинять ничего нового по пять лет кряду, не брать в руки гитару и даже не пытаться что-нибудь изобразить. Так было и с «Двойной фантазией»: когда мы решили записать этот диск, я был на Бермудах с Шоном и его няней, а Йоко — по делам в Нью-Йорке. Целый месяц после этого у меня никак не появлялся готовый материал, а потом вдруг в течение трех недель сложились все песни, вошедшие в альбом...

Самое прекрасное для меня во всем этом, — не считая первой записи на ленту, — вдохновение. То особое расположение духа, когда песни приходят тебе в голову сами, просто так, без кортежа за письменным столом (как будто сочинение было равносильно ремесленничеству). Впрочем, я способен сочинять и ремесленным способом. Нужна тебе для кинофильма песня про бананы — пожалуйста. Такая работа доставляет мне мало удовольствия, и тем не менее я могу писать и на этом уровне. Однако понастоящему счастлив бываю лишь тогда, когда творю, точно одержимый, медитирую... Бывает, лежу пластом среди ночи — и вдруг в мозгу возникает песня, целиком, с музыкой и словами, так что я начинаю сомневаться, моя ли она на самом деле. Проклятье, не знаю, чья это песня, но она нейдет у меня из головы! В конце концов я отдаю ее во власть и оказываюсь уже за пианино или с гитарой, подбирая и запи-

сывая эту навязчивую вещь (...).

— Последний вопрос. Расскажи немного о своей частной жизни с точки зрения личной безопасности...

— Именно это в конечном счете, пожалуй, и побудило меня поселиться здесь, в Америке... Когда мы только покинули Англию, нам нигде не было покоя... Мы не могли спокойно пройтись вдвоем, не могли посидеть в ресторане без того, чтобы на следующий день на нас не обрушился ворох публицистики о «звезде», шлеющейся по ресторанам... В последние же лет семь я начал даже ходить по улицам. Сначала ужасно нервничал, каждую минуту ожидая, что кто-нибудь бросится меня осаждать. Два года ушло на то, чтобы избавиться от этого постоянного напряжения. Зато сейчас я могу вот так, запросто, выйти на улицу и зайти в ресторан. Или отправиться в кино. Знаешь, как это чудесно? То есть, конечно, ко мне подходят попросить автограф или поздравиться, но никто тебя не штурмует. Просто говорят: «Эй, привет! Как жизнь? Мне понравился твой диск...».

* * *

Через два дня, 8 декабря 1980 года, около «Дакоты-хауса», дома в Нью-Йорке, где жил Джон Леннон, именно так запросто его окликнул Марк Чэпмэн. «Эй, мистер Леннон, привет!» — сказал он. А потом заговорил его револьвер...

* * *

На снимках: Джон и Йоко; траурная манифестация у дома Леннона в Нью-Йорке на следующий день после гибели музыканта.

